

Способы создания локального текста в творчестве волгоградских писателей С. Н. Синякина и Е. Ю. Лукина

*Олег Олегович Путило*¹

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет (д. 27, пр. им. В. И. Ленина, 400005 Волгоград, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-0334-5456. E-mail: dolennor@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Путило О. О., 2022

Аннотация. *Цель* статьи — рассмотреть художественные особенности царицынского, сталинградского и волгоградского локальных текстов в произведениях Евгения Лукина и Сергея Синякина. *Результаты.* Несмотря на общность географических координат, приемы создания локальных текстов в реалистической и фантастической прозе данных авторов различны. Изображение реалистически достоверного пространства Сталинграда обусловлено в первую очередь патриотической трактовкой образа города, не допускающей сатирического снижения, в то время как волгоградский и царицынский тексты могут включать те или иные элементы комического. В фантастических произведениях Евгения Лукина и Сергея Синякина локальный текст строится с использованием контаминации подлинных пространственных образов и их комических трансформаций как следствия постмодернистской «игры с читателем».

Ключевые слова: локальный текст, царицынский текст, сталинградский текст, волгоградский текст, локус, фантастика, Е. Ю. Лукин, С. Н. Синякин

Для цитирования: Путило О. О. Способы создания локального текста в творчестве волгоградских писателей С. Н. Синякина и Е. Ю. Лукина // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 94–109. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-94-109

Evgeny Lukin and Sergey Sinyakin: The Means Employed by Volgograd-Based Writers to Create Local Text Revisited

Oleg O. Putilo¹

¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University (27, Lenin Ave., 400005, Volgograd, Russian Federation).

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0002-0334-5456. E-mail: dolennor@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Putilo O. O., 2022

Abstract. *Goals.* The article aims to examine works of Evgeniy Lukin and Sergey Sinyakin for artistic features inherent to Tsaritsyn, Stalingrad, and Volgograd local texts. *Results.* Despite the commonness of geographical coordinates, the techniques employed by the two authors to create local texts relating to both realistic and fantastic fiction are different. The realistic depiction of Stalingrad's contexts is primarily determined by patriotic interpretations of the city's image that afford no satirical depreciation, while the Volgograd and Tsaritsyn texts may include some particular elements of the comic. In fantastic narratives of Evgeniy Lukin and Sergey Sinyakin, local text is organized through the contamination of original spatial images and their comic transformations as a result of the postmodern 'game with the reader'.

Keywords: local text, Tsaritsyn text, Stalingrad text, Volgograd text, locus, fantastic, E. Lukin, S. Sinyakin

For citation: Putilo O. O. Evgeny Lukin and Sergey Sinyakin: The Means Employed by Volgograd-Based Writers to Create Local Text Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 4: 94–109. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-94-109

Введение

Понятие локального текста перекликается с такими ключевыми литературоведческими терминами, как «хронотоп», «топос» и «локус». И если под топосом понимают «открытые» пространственные образы (мир, степь, море и др.), то термин «локус» обыч-

но применяется к конкретному культурному фрагменту пространства (город, дом и др.) [Прокофьева 2005: 91].

Локальный текст представляет собой группу текстов, выстроенных «вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр. <...> это корпус „текстов о месте“, благодаря которым само „место“ наделяется рядом дополнительных характеристик» [Баянбаева 2016: 77]. Пожалуй, самое точное определение этому понятию дает в своем диссертационном исследовании В. В. Коркунов: «Локальный текст — это совокупность гетеростереотипных и автостереотипных текстуальных воплощений локуса, имеющих не случайный характер, в которых проявляются культурные константы края (или личное его восприятие), воспроизводящие образ места» [Коркунов 2015: 5].

Как разновидность сверткста локальный текст обладает такими параметрами, как кросс-жанровость (сочетание разных жанров), кросс-темпоральность (использование различных временных характеристик) и кросс-персональность (принадлежность к разным авторам) (см. [Топоров 2003: 26]). Ему также свойственны:

1) кумулятивная функция, связанная с накоплением информации исторического, культурологического, географического, краеведческого и социологического характера о локусе, в результате чего «локус генерирует определенное концептуальное пространство, особый фрагмент картины мира, репрезентованный в текстах» [Баянбаева 2016: 80];

2) мифогенетическая функция, связанная с формированием мифов, преданий, пророчеств и т. п., основная задача которых — обоснование исключительности явления, что делает это место «особым, единственным, непохожим на остальные» [Топоров 2003: 267];

3) символическая функция, связанная с формированием локальных атрибутов-символов, что способствует узнаваемости локуса;

4) аксиологическая функция, связанная с формированием локальных норм и ценностей;

5) интертекстуальная функция, заключающаяся в возникновении связей между литературными произведениями.

Методология исследования

В отечественном литературоведении сложилась обширная исследовательская практика, посвященная изучению локальных текстов. Значительный вклад в разработку теории данного вопроса внесли Ж. А. Баянбаева [Баянбаева 2016], Д. Н. Замятин [Замятин 2004; Замятин 2019], В. Л. Каганский [Каганский 2014], А. А. Кораблев [Кораблев 2019], В. В. Коркунов [Коркунов 2015], О. А. Лавренева [Лавренева 2004], Н. Е. Меднис [Меднис 2003], Н. Л. Потанина, М. А. Гололобов [Потанина, Гололобов 2012], Е. К. Созина [Созина 2010], В. Г. Щукин [Щукин 2010], В. И. Юдина [Юдина 2013] и др.

В первую очередь исследователей интересовали «столичные» локальные тексты: «петербургский» (Ю. М. Лотман [Лотман 1992], В. Н. Топоров [Топоров 2003]) и «московский» (В. В. Калмыкова [Калмыкова 2012], М. Е. Селеменова [Селеменова 2015]), в то время как «провинциальным» локальным текстам уделялось значительно меньше внимания, хотя список их весьма обширен: «ивановский» (Н. А. Голубев [Голубев 2014]), «калининградский» (Л. М. Гаврилина [Гаврилина 2016]), «кимрский» (В. В. Коркунов [Коркунов 2015]), «крымский» (А. П. Люсый [Люсый 2003]), «муромский» (М. В. Ахметова [Ахметова 2009]), «новгородский» (И. С. Абрамовская [Абрамовская 2010]), «пермский» (В. В. Абашев [Абашев 2000]), «сибирский» (Д. Н. Замятин [Замятин 2004], В. И. Тюпа [Тюпа 2002]), «симбирский» (Л. А. Сапченко [Сапченко 2019]), «тверской» (А. Ю. Сорочан [Сорочан 2010]). Царицынский локальный текст рассматривался в работах волгоградских ученых: Е. С. Бирючевой [Бирючева 2012], А. Х. Гольденберга [Гольденберг, Бирючева 2014], Н. Е. Рябцевой и Н. Е. Тропкиной [Рябцева, Тропкина 2015]. Локальный «казачий» текст Волго-Донского края анализировал известный волгоградский лингвист В. И. Супрун [Супрун 2019].

Материалы исследования

Выбор в качестве материала исследования произведений волгоградских писателей Евгения Юрьевича Лукина (1950) и Сергея Николаевича Синякина (1953–2020) был продиктован целым рядом факторов. Во-первых, оба автора неоднократно становились

номинантами и лауреатами как государственных, так и жанровых премий¹, что свидетельствует о всероссийском признании их писательского таланта. Во-вторых, прожив долгое время в городе-герое на Волге, они не могли не отразить в своем творчестве присущие данному месту историко-культурные константы, являющиеся своеобразным «базисом» для создания локального текста. В-третьих, хотя и Е. Ю. Лукин, и С. Н. Синякин — авторы многих реалистических произведений, прежде всего, они известны как фантасты, поэтому рассмотрение приемов контаминации образов вымышленного и реального пространства в их прозе представляет особый интерес. Все вышесказанное, а также отсутствие литературоведческих трудов, посвященных анализу способов создания локального текста в творчестве данных писателей, и обусловило актуальность нашей статьи.

В рамках данной работы мы обратились к широкому ряду произведений, воплотивших географические образы Царицына-Сталинграда-Волгограда: «Баклужинскому циклу» [Лукин 2000; Лукин 2003; Лукин 2012а] и рассказу «День дурака» [Лукин 2012б] Е. Ю. Лукина, повестям С. Н. Синякина «Злая ласка звездной руки» [Синякин 2002а], «И поверг ангел серп» [Синякин 2005б], «Перекресток» [Синякин 2002б], «Феникс» [Синякин 2005в], «Точка в розыске» [Синякин 2021], а также к «повести в рассказах» «Сталинградские зернышки» [Синякин 2005а].

Проблема дифференциации царицынского, сталинградского и волгоградского локальных текстов

Вопрос о том, следует ли различать царицынский, сталинградский и волгоградский локальные тексты или же все они явля-

¹ Е. Ю. Лукин: «АБС-премия» (1999, 2005, 2009), премии «Бронзовая улитка» (1996, 1998–2000, 2008), «Великое кольцо» (1986, 1990–1992), «Еврокон» (1990, 2015), «Звездный мост» (2000, 2004, 2008), «Интерпресскон» (1997–2002, 2004, 2005, 2009, 2013, 2014, 2016–2018), «РосКон» (2001–2003, 2008–2017). С. Н. Синякин: премии «Интерпресскон» (2000), «Бронзовая улитка» (2000, 2002), «Странник» (2000), «АБС-премия» (2000), «Сигма-Ф» (2000), «Мраморный фавн» (1999), «Полдень» (2010).

ются разновидностью одного локального сверхтекста, носит дискуссионный характер. Несомненно, каждое из вышеназванных понятий обладает собственным историческим наполнением. Так, образ Царицына связан с основанием города как пограничной крепости, с походами Степана Разина, Булавинским и Пугачевским восстаниями и, конечно, Гражданской войной 1918–1922 гг. Поскольку в обороне Царицына важную роль сыграл И. В. Сталин, в 1925 г. город был переименован в Сталинград. Ключевым историческим событием, ассоциирующимся с этим названием, стала Сталинградская битва: «При употреблении онима Сталинград речь идет не столько о населенном пункте, пространстве для проживания людей, сколько о роли обозначаемого им географического объекта в Великой Отечественной войне и истории человечества» [Ильин 2013: 66–67]. В 1961 г. восстановленный город получает новое наименование — Волгоград: этот топоним, по мнению Д. Ю. Ильина, также унаследовал концептуальный оценочный смысл «герой» [Ильин 2013: 66–67].

Царицынский, сталинградский и волгоградский локальные тексты имеют «общие закономерности функционирования, связанные с историко-культурным, климатическо-метеорологическим и ландшафтными факторами, пространственными и темпоральными отношениями» [Сапченко 2019: 170]. Это классические варианты регионального, «провинциального», текста, находящиеся в оппозиции тексту центральному, «столичному». Вместе с «нижегородским», «саратовским», «астраханским» они образуют волжский локальный текст, характеризующийся «прежде всего, духом вольности и удалства, а не апологией ритмичной трудовой деятельности. По всей вероятности, это самое адисциплинарное пространство России» [Люсый 2014: 230]. Центральным топосом всех «волжских» текстов является река Волга — образ, объединяющий в том числе царицынский, сталинградский и волгоградский локальные тексты.

Царицынский, сталинградский и волгоградский локальные тексты в прозе С. Н. Синякина

Характерным способом создания царицынского, сталинградского и волгоградского локальных текстов является использование оригинальных локусов, связанных с теми или иными реальными историческими местами, в первую очередь, с упоминанием «подземного города». Главным «царицынским» мифом является легенда о тайных разветвленных ходах, построенных мятежным настоятелем Свято-Духова монастыря Илиодором. По преданию они вели от обители в овраг, где протекала река Царица, а также в ряд других мест. О катакомбах Сталинграда, в частности о подземных коммуникациях под Комсомольским садом, упоминает С. Н. Синякин в своей повести «Точка розыска», эти же ходы использует для совершения убийства и герой его повести «Феникс»: «В прошлый раз он стрелял в Кувалду на улице Гоголя, днем и при большом стечении народа. Отступив в сквер перед площадью Павших Борцов, он нырнул в заранее открытый люк тепловой сети, задвинув за собой тяжелый чугунный диск, а еще через десять минут выбрался на поверхность в административном дворе драмтеатра и спокойно ушел из довольно быстро оцепленного района» [Синякин 2005в: 255].

Свой мифологический локус есть и у современного Волгограда — это подземный скоростной трамвай. Его парадоксальная сущность с иронией описывается С. Н. Синякиным в повести «Перекресток» (хотя автор и изменил название города): «В Царицыне функционировало невероятное чудо техники — скоростной трамвай или, как его здесь называли, метротрам. Выглядело это так, если бы в одну упряжку, невзирая на изречение классика, впрягли коня и трепетную лань. Часть своего пути трамвай совершал по подземным туннелям» [Синякин 2002б: 2]. Евгений Лукин также пародийно упоминает своеобразие данного вида транспорта, отражающее стремление местных обывателей к столичному размаху. В романе «Алая аура протопарторга», описывая противостояние провинциальных городов-полисов Лыцка и Баклужино, он отмечает: «Подземная линия трамвая имела только в Лыцке (на ме-

тро у Патриархии не хватило средств). Станции, правда, были самые настоящие, облицованные мрамором, с электронными табло, со скульптурами в нишах и даже с коротенькими эскалаторами в одиннадцать ступенек. Лыцк, как известно, стоял на семи холмах, и поэтому идущий по кольцевому маршруту трамвай то выскакивал на поверхность, то снова нырял под землю» [Лукин 2000: 108–109]. Это описание создает ощущение абсурдности попыток Лыцка и Баклужино преодолеть провинциальный статус за счет объявления себя «столицами» крошечных суверенных территорий и подчеркивает иллюзорность их претензий на славу «вечного города», стоящего на семи холмах — Четвертого Рима.

Для каждого локального текста характерны свои, хорошо узнаваемые, образы-символы. Так, для современного Волгограда — это Мамаев курган, Аллея Героев и Центральная набережная, вокзал и уже упоминавшийся выше метротрам. Рядом с Аллеей Героев находится Площадь Павших Борцов, в центре которой возвышается памятник-обелиск защитникам Царицына и горит вечный огонь. В повести «И поверг ангел серп» С. Н. Синякин замещает топонимы «Аллея Героев» и «Площадь Павших Борцов» новыми, на первый взгляд, синонимичными названиями — «площадь Жертв Революции» и «Аллея Храбрецов» [Синякин 2005б]. Первое наименование придает локальному мифу об обороне Царицына новую интерпретацию: если «павшие борцы» — это защитники города от белогвардейских войск, то «жертвы революции» — это люди, пострадавшие от действий обеих сторон. В повести «Перекресток» С. Н. Синякин и вовсе сравнивает памятник с фаллосом, что окончательно нивелирует пафосность образа. В то же время наименование «Аллея Храбрецов» не умаляет ценности оригинального локуса, посвященного памяти участников Великой Отечественной войны.

К ней у С. Н. Синякина особое отношение, неслучайно своим вершинным произведением писатель считал цикл рассказов «Сталинградские зернышки», в котором воссоздал как неизвестные страницы битвы на Волге, так и историю послевоенного города. Сталинградский локальный текст в представлении автора нераз-

рывно связан с такими ценностями, как патриотизм, самопожертвование и память о подвигах предков. Отличительной его чертой является контраст мирных и военных локусов: школа, завод, кинотеатр, танцплощадка противопоставляются окопу, землянке и концлагерю. Мирные образы проступают только в воспоминаниях о прошлом. Так, в рассказе «Тоска любви» мы наблюдаем, как «в городском саду, неподалеку от зоопарка играл оркестр», «из бильярдной доносились азартные возгласы», а «в кинотеатре „Север“ показывали кинофильм» [Синякин 2005а: 14]. Только во сне можно увидеть «довоенный город и еще живых ребят, с которыми бегали на Волгу удить юрких окуней и красноперок. <...> Поэтому <...> и не хотелось теперь выбираться из этого сна в мир, где мертвых было больше, чем живых» [Синякин 2005а: 82]. С приходом боевых действий атрибуты гражданской жизни не просто исчезают, а уничтожаются: символично, что в рассказе «Вертинский и ночь» бойцы слушают патефон «рядом с костром, в котором догорали обломки довоенной сталинградской жизни — детская кроватка, остатки шифоньера, два табурета, случайно уцелевшие на верхних этажах» [Синякин 2005а: 57].

Однако самая страшная трансформация происходит с главным топосом Сталинграда — Волгой. Если в рассказе «Первые бомбежки» поверхность воды лишь полыхает огнем, то в рассказах «Иосиф Сталин» и «Уловы сорок второго» Волга окончательно превращается в реку смерти — своеобразную братскую могилу для пассажиров катеров, курсирующих между ее берегами. Вниз по реке плывут тела, «их было много и почти все гражданские, даже дети...» [Синякин 2005а: 62]. Поэтому так резко воспринимается контраст между Волгой «сталинградской» и «волгоградской», когда герой повести «Перекресток» спускается по широкой лестнице к набережной и обращает внимание на то, что «волжская вода не казалась синей и прозрачной, на ее поверхности радужно расплывались нефтяные пятна, и вниз по течению плыли окурки» [Синякин 2002б: 1]. Упоминает С. Н. Синякин и расхожий миф о «городе, построенном на костях»: «Говорят, что и гостиница „Турист“ над Волгой стоит на костях — когда-то на ее месте был овраг и туда после боев свозили трупы и

кости со всего города. Если это правда, то я понимаю теперь, как страшен мой город в чреве своем» [Синякин 2005а: 131].

Отметим, что С. Н. Синякину не нравится само название «Волгоград»: неслучайно он заменяет его на «Царицын» и в повести «Перекресток», и в романе «Бузулуцкие игры»². К такому же приему прибегает и Евгений Лукин в рассказе «Прометей прикопанный». Однако, несмотря на изменение имени города, эти произведения по-прежнему относятся к волгоградскому локальному тексту.

Если Сталинград, как город-герой, не может быть объектом критики и злословия, то пространство Волгограда сатирически изображается обоими авторами. Например, Е. Ю. Лукин в рассказе «День дурака» с нескрываемой иронией излагает историю неудачной борьбы Волгоградского отделения Союза писателей за помещения в Доме литератора: «Когда-то владевшие нераздельно первым этажом, а ныне ютящиеся в двух кабинетах, писатели держались за пресловутый бар, как белые за Перекоп. Сдача его буржуинам означала бы гибель культуры в целом» [Лукин 2012б: 237]. Гротескность образа Дома литераторов, в котором творческая элита вынужденно соседствует с бизнесменами, подчеркивает традиционный конфликт высокого и низкого в современном городском пространстве.

В фантастических произведениях Е. Ю. Лукина и С. Н. Синякина знакомые волгоградские локусы преобразуются, создавая хронотоп мира, где действуют иные, сверхъестественные законы. Писатели создают метагеографию вымышленных пространств «с активно разрабатываемой символикой, которая во многом может заимствовать характерные черты и знаки реальных городов и их географических образов» [Замятин 2019: 306].

В фантастическом детективе «Феникс» С. Н. Синякин, воссоздавая маршрут генерал-лейтенанта милиции, за которым охотится убийца, упоминает реально существующие объекты: кинотеатр «Победа», кафе «Огонек», малолюдную зеленую улицу Ленина, здание драмтеатра, ресторан «Волгоград». Несомненно, реалисти-

² В конце почти всех своих произведений С. Н. Синякин указывал в качестве места их создания «г. Царицын».

ческая пространственная картина позволяет читателям еще глубже погрузиться в мир произведения, убедившись в достоверности описываемых писателем событий.

Царицынский, сталинградский и волгоградский локальные тексты в «Баклужинском цикле» Е. Ю. Лукина

Интересную контаминацию реального и ирреального локусов можно наблюдать в «Баклужинском цикле» Е. Ю. Лукина. В центре внимания автора находится вымышленное пространство осколка Российской Федерации — бывшей Суловской области, которая в свою очередь распалась на отдельные города-государства. Поскольку «в локальных текстах значимо не только выраженное в нем инобытие, но и отраженное бытие, послужившее художнику материалом и моделью для художественного воплощения» [Кораблев 2019: 26], за основу природных и антропогенных географических образов фантаст берет хорошо знакомые ему и жителям города волгоградские пейзажи, прекрасно подходящие для постмодернистской игры.

Характеризуя Баклужино, Лыцк и другие населенные пункты бывшей Суловской области, Е. Ю. Лукин отдает предпочтение архетипичным локусам, символизирующим привычный глазу вариант волжской провинции: набережную, городской парк, краеведческий музей и т. п. Эти образы призваны подчеркнуть провинциальность вымышленных городов, которые «есть воплощение срединности во многих разных отношениях» [Каганский 2014: 113].

Главным локусом, маркирующим принадлежность города к волжскому локальному тексту, является набережная. В облике суловской набережной можно увидеть аллюзию на знаменитую волгоградскую набережную с центральной лестницей, пропилениями и фонтаном «Искусство»: «С верхней площадки лестницы, откуда четыремя каскадами ступеней Центральная набережная ниспадала в Сусла-реку, разлив был особенно красив. Но миловидная нудипедалка с белой ушастой розой в руке стояла спиной к вешним водам и, глядя на парящее над фонтаном изваяние, терпеливо ждала, когда схлынет толпа иностранных туристов, окру-

живших скульптуру» [Лукин 2003: 331]. Неустроенность же антиутопического пространства в Суслово подчеркивают городские долгострои: мост и гостиница, «имевшая привычку при малейшем ветерке возвещать о своем существовании листовым железом» [Лукин 2003: 335]. В этих образах легко угадываются возводившиеся в течение нескольких десятилетий Танцующий мост³ и многоэтажное здание на Предмостной площади, в итоге переделанное в жилой дом. Часть локусов в фантастической прозе меняет свой функционал: например, трехэтажное розовое здание музыкальной школы, прототипом которой является Детская музыкальная школа № 14 г. Волгограда, в Баклужино становится консерваторией. Повышение статуса заведения при сохранении его прежних размеров свидетельствует о несоответствии содержания форме и еще раз подчеркивает необоснованность претензий маленького провинциального города на глобализм.

Некоторые фантастические образы содержат аллюзию сразу на несколько локусов-прототипов, наделенных подчас противоположными функциями. Так, в повести «Лечиться будем» глава государства, по совместительству врач-психиатр, заявляет: «В Желтый Дом!», — чем вызывает у героя недоумение: «Вот и гадай теперь! Здание Правительства в Сызново тоже ведь желтого цвета...» [Лукин 2012а: 68]. Действительно, «желтый дом» — это парафраз, традиционно связанный с упоминанием психиатрических лечебниц и одновременно являющийся отсылкой к наименованиям многих волгоградских госучреждений: областной Думы, Городской администрации или Главного управления МВД по Волгоградской области. Данная двусмысленность подчеркивает антиутопичность города Сызнова, в котором норма и отклонение поменялись местами. Однако некоторые аллюзии на реальное волгоградское пространство не всегда могут быть поняты без соответствующего комментария. Так, например, когда американский десантный вертолетоносец «Тарава», известный достаточно глу-

³ По собственному признанию Е. Ю. Лукина, еще одним прототипом был мост через Днестр в г. Тирасполе (Приднестровье), где фантаст бывал в начале 90-х гг. XX в.

бокой осадкой, на пути к Лыцку заходит в «Щучий проран», комичность ситуации может оценить только коренной волгоградец, знающий, что из-за мелководья данного узкого протока Волги это физически невозможно, а значит — фантастично!

Заключение

Несмотря на то, что царицынский, сталинградский и волгоградский тексты повествуют о едином географическом пространстве, их локусы ассоциируются с тем или иным периодом в жизни этого места. Царицын — это мифический, полулегендарный провинциальный город с размеренным течением жизни; Сталинград — символ подвига и боли, центральным образом которого выступает Мамаев курган; Волгоград — современный город, с одной стороны, сохраняющий традиции героического прошлого, а с другой — наполненный стереотипными бытовыми проблемами: от «квартирного вопроса» до экологии. Данный контраст и обуславливает ироничное, а местами даже саркастичное, отношение писателей к волгоградскому пространству.

В ряде фантастических текстов Е. Ю. Лукина и С. Н. Синякина вымышленные локусы полностью совпадают с реально существующими объектами, что создает ощущение гиперреалистичности хронотопа художественного произведения. Однако чаще всего пространственные образы претерпевают определенные трансформации, целью которых является постмодернистская игра с читателем, обусловленная авторскими интенциями.

Источники

- Лукин 2000 — *Лукин Е.* Алая аура протопарторга. М.: АСТ, 2000. 400 с.
- Лукин 2003 — *Лукин Е.* Чуть собачья [электронный ресурс] // URL: <https://www.litres.ru/evgeniy-lukin/chush-sobachya/chitat-onlayn/> (дата обращения: 05.10.2022).
- Лукин 2012а — *Лукин Е.* Лечиться будем // *Лукин Е.* Бытие наше дырчатое: сборник. М.: Астрель; Полиграфиздат, 2012. С. 7–133.
- Лукин 2012б — *Лукин Е.* День дурака // *Лукин Е.* Бытие наше дырчатое: сборник. М.: Астрель; Полиграфиздат, 2012. С. 237–254.

- Синякин 2002а — *Синякин С. Н.* Злая ласка звездной руки // Синякин С. Н. Злая ласка звездной руки: сборник повестей. М.: АСТ, 2002. С. 137–297.
- Синякин 2002б — *Синякин С. Н.* Перекресток [электронный ресурс] // URL: https://royallib.com/read/sinyakin_serгей/perekrestok.html#0 (дата обращения: 05.10.2022).
- Синякин 2005а — *Синякин С. Н.* Сталинградские зернышки: рассказы. Волгоград: Издатель, 2005. 160 с.
- Синякин 2005б — *Синякин С. Н.* И поверг ангел серп // *Синякин С. Н.* Обратная сторона добра: повести. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2005. С. 5–142.
- Синякин 2005в — *Синякин С. Н.* Феникс // *Синякин С. Н.* Обратная сторона добра: повести. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2005. С. 205–280.
- Синякин 2021 — *Синякин С. Н.* Точка в розыске // *Синякин С. Н.* Горькая соль войны: повести, очерки. М.: Вече, 2021. С. 182–249.

Литература

- Абашев 2000 — *Абашев В. В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Пермский ун-т, 2000. 404 с.
- Абрамовская 2010 — *Абрамовская И. С.* Проблема «локального текста» в русской литературе XIX века (на материале Новгородского текста) // Записки филиала Российского государственного гуманитарного университета в г. Великий Новгород. Вып. 8. Великий Новгород: Визонт, 2010. С. 218–225.
- Ахметова 2009 — *Ахметова М. В.* «Русскость» как топос «локального текста»: случай Муромы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». 2009. № 9. С. 207–215.
- Баянбаева 2016 — *Баянбаева Ж. А.* Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 77–84.
- Бирючева 2012 — *Бирючева Е. С.* Творчество И. Д. Сазанова в контексте русской литературы конца XIX – начала XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 22 с.
- Гаврилина 2016 — *Гаврилина Л. М.* Диалог культур в пространстве калининградского локального текста // Диалог культур: поэтика локального текста: мат-лы V междунар. науч. конф. (г. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г.) / под. ред. П. В. Алексеева : в 2-х тт. Т. 2. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2016. С. 45–54.

- Голубев 2014 — *Голубев Н. А.* Формирование локального текста (ивановский опыт): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014. 26 с.
- Гольденберг, Бирючева 2014 — *Гольденберг А. Х., Бирючева Е. С.* Жизнь и литературная судьба И. Д. Сазанова. Волгоград: Перемена, 2014. 161 с.
- Замятин 2004 — *Замятин Д. Н.* Социокультурное развитие Сибири и его образно-географические контексты // Проблемы сибирской ментальности. СПб.: Астерион, 2004. С. 45–60.
- Замятин 2019 — *Замятин Д. Н.* Пространство, город и текст: коммуникативные стратегии постурбанизма // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2019. С. 304–310.
- Ильин 2013 — *Ильин Д. Ю.* Динамические процессы в региональном топонимиконе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 63–69.
- Каганский 2014 — *Каганский В. Л.* Краеведение – самосознание провинции и ее локальный текст // Диалог культур: поэтика локального текста: мат-лы IV Междунар. науч. конф. / под ред. П. В. Алексеева. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2014. С. 110–114.
- Калмыкова 2012 — *Калмыкова В. В.* Московский локальный текст в прощведениях немосквичей // В зеркале путешествий: Мат-лы междунар. науч. конф. «Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о Тверском крае» / ред.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. М.: Русский импульс, 2012. С. 134–142.
- Кораблев 2019 — *Кораблев А. А.* Онтология и аспектология локальных текстов // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2019. С. 20–27.
- Коркунов 2015 — *Коркунов В. В.* Кимрский локальный текст в русской литературе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2015. 22 с.
- Лавренева 2004 — *Лавренева О. А.* Образ места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 413–426.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Радуга. 1991. № 5. С. 29–44.
- Люсый 2003 — *Люсый А. П.* Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
- Люсый 2014 — *Люсый А. П.* География текстуальной революции: междисциплинарные исследования локальных текстов культуры // Человек: образ и сущность. 2014. № 1 (25). С. 214–236.

- Меднис 2003 — *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с.
- Потанина, Гололобов 2012 — *Потанина Н. Л., Гололобов М. А.* Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1(7). С. 32–37.
- Прокофьева 2005 — *Прокофьева В. Ю.* Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского университета. 2005. № 11. С. 87–94.
- Рябцева, Тропкина 2015 — *Рябцева Н. Е., Тропкина Н. Е.* Царицынский текст в творчестве русских поэтов первой трети XX века // Язык и культура юга России: аспекты толерантного взаимодействия: сб. науч. трудов по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: Перемена, 2015. С. 121–129.
- Сапченко 2019 — *Сапченко Л. А.* Симбирский текст русской культуры // Восток — Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2019. С. 169–175.
- Селеменова 2015 — *Селеменова М. В.* Образ Москвы в русской литературе начала XXI века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 4. С. 93–103.
- Созина 2010 — *Созина Е. К.* Локальный текст // Гуманитарная география. М.: Институт Наследия, 2010. Вып. 6. С. 288–290.
- Сорочан 2010 — *Сорочан А. Ю.* Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010. 171 с.
- Супрун 2019 — *Супрун В. И.* Локальный казачий текст в языке и литературе: от Ф. Д. Крюкова до Б. П. Екимова // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2019. С. 193–204.
- Топоров 2003 — *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. 616 с.
- Тюпа 2002 — *Тюпа В. И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
- Щукин 2010 — *Щукин В. Г.* Локальный текст // Гуманитарная география. М.: Институт Наследия, 2010. Вып. 6. С. 290–293.
- Юдина 2013 — *Юдина В. И.* Региональный текст в контексте художественной корреляции // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 3 (11). С. 91–99.